

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ЦВЕТА В ЛИНГВИСТИКЕ

Турдиалиева Элнура Батыровна

преподаватель Педагогического Института,
Андижанского Государственного Университета.

bturdialiyev@bk.ru, г.Андижан, Узбекистан

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6569083>

ИСТОРИЯ СТАТЬИ

Принято: 01 май 2022 г.

Утверждено: 10 май 2022 г.

Опубликовано: 20 май 2022 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лингвистика,
цветонаименование,
когнитология,
семантика, культура.

АННОТАЦИЯ

На протяжении столетий человек пытался проникнуть в физическую и физиологическую природу цвета, понять его влияние на сознание людей, изучить его эстетику. Когнитивная вербализация цветовой формы и образа становится предметом изучения когнитивной лингвистики. Древность возникновения цветовой лексики, наличие системы цветообозначений в разнотемных языках, сложности когнитивно-семантической структуры требуют глубокого исследования данной проблемы. Цветообозначения –лексические единицы, вербализующие чувственные образы цвета, –представляют собой одну из наиболее часто рассматриваемых тематических групп в разных языках. Исследования цветолексем ведутся в различных направлениях: лингвистическом, психолингвистическом, историческом, лингвокультурологическом..

Рост интереса лингвистов к феномену перцепции также во многом обусловлен изменением трактовки последнего. "Термин равно относится как к отдельным сенсорным актам, так и к процессам интеграции и синтеза полученных чувственных данных, как к способностям человека выделять в действительности признаки, качества, стороны разных объектов и процессов, так и формировать целостный образ", отмечают авторы "Краткого словаря когнитивных терминов"; сами процессы категоризации, классификации и осмысления мира

теперь рассматриваются лингвистами как этапы восприятия.

На современном этапе развития психологии сенсорно-перцептивные процессы рассматриваются как коренные феномены жизнедеятельности, связанные с глубокими слоями целостной структуры человеческой личности. Эта связь наиболее четко прослеживается на уровне когнитивных процессов: категоризация и концептуализация трактуются как завершающие этапы процесса перцепции.

Поэтому, по словам А.Н. Леонтьева, проблема восприятия должна быть

поставлена и разработана как проблема психологии образа мира. Образ мира – не перцептивная картинка, а некоторое относительно стабильное образование, являющееся результатом обработки данных восприятия.

Образ мира как гипотеза о типичном состоянии реальности, иерархическая структура когнитивных репрезентаций, регулирует деятельность субъекта и выступает в качестве ядерной структуры по отношению к своему модальному оформлению – картине мира, в том числе в ее языковом выражении.

Когнитивная сущность картины мира заключается в том, что она – обобщенный результат отражения мира в коллективном сознании того или иного общества. При этом отражение действительности – не зеркальное отображение, а результат двуединого процесса – логического и чувственного познания, что и определяет его творческий и интерпретационный характер.

Среди множества вопросов, которые язык задает исследователям, один из самых интересных, это вопрос о том, как язык формирует картину мира человека. Известно, что понятие ЯКМ восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, с одной стороны, и к идеям американской этнолингвистики, в частности, так называемой гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа, – с другой.

Американский антрополог Роберт Редфильд определяет картину мира как такое видение мира, которое

характерно для того или иного народа; это – представления членов общества о самих себе и о своих действиях, о своей жизни и своей активности в мире.

Замечательно об этом сказано у философа Макса Фромма, «человек обладает разумом и воображением», и этот факт приводит его к необходимости не только иметь чувство собственной идентичности, но и интеллектуально ориентироваться в мире. Чем дальше развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации, то есть тем более она приближается к реальности. Вполне очевидно, что его картина мира зависит от развития его разума и знаний». Фромм, 2001, 62 – 63).

Об этом же пишет выдающийся немецкий философ М. Хайдеггер, утверждая, что человек воспринимает и понимает мир как картину; то есть, мир для него преобразуется в картину, и именно так человек осваивает мир (1985).

Современные представления о языковой картине мира в изложении акад. Ю.Д. Апресяна выглядят следующим образом. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (т.е. – концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально

специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Реконструкция языковой картины мира составляет одну из важнейших задач современной лингвистической семантики.

К настоящему времени понятие «картина мира» в Науке относится к числу фундаментальных, в котором выражается специфика не только познавательной, но и всей жизнедеятельности человека.

Колористическая лексика – одна из важнейших составляющих языковых картин мира (ЯКМ), поэтому закономерно, что «цветовое» членение мира осуществляется в каждом языке по-разному.

Изучение лексики цветообозначения всегда было одним из аспектов изучения языковых картин мира еще до появления этого термина и соответствующего направления, о чем свидетельствуют прежде всего труды Л. Ельмслева, Г. Глисона, Б. Уорфа.

По мнению Л. Ельмслева, «парадигма в одном языке и соответствующая парадигма в другом языке покрывают одну и ту же зону материала, который, будучи абстрагирован от этих языков, представляет собой нерасчлененный аморфный континуум, на котором

проложило границы формирующее действие языков. За пределами парадигм, установленных в разных языках, мы можем, вычитая различия, найти такой аморфный континуум – цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы» [Elmslev, C. 310-311].

Всестороннее изучение словарного состава является одной из важнейших проблем в языкознании. Цвет выступает одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, взаимодействии различных этнических традиций, особенностях художественного видения мира» [Упорова, 1995: 52].

Многое материальное и нематериальное в окружающем мире воспринимается благодаря цвету. Трудно назвать сферу человеческой деятельности, в которой не присутствовал бы цветовой фактор. Именно поэтому проблема цвета издавна привлекала внимание исследователей, связала множество ветвей и отраслей знаний. Во все времена учёные пытались разгадать проблему цвета.

Последние научные исследования в этой области показали, что за цвет отвечает у человек 10 пигментных генов, составляющих определённый набор – у каждого свой, именно поэтому два человека могут смотреть на один и тот же предмет, а воспринимать его совершенно по-разному.

Аналогично можно объяснить существование различий в реакциях на цвет в разных культурах: например,

зелёный(green) в США ассоциируется с понятием безопасности, во Франции –преступления, во многих германских языках данный цвет имеет значение “веселье”, как это доказано в специальных исследованиях.

Следовательно, цветовой язык ментален по своей природе: за определённым цветом люди видят определённые смыслы [Ананьев, 1969: 105].

Впервые исследователи заинтересовались проблемой цвета ещё в XVIII в., сначала в естественных, а затем и в гуманитарных Науках. Было отмечено, что феномен цвета содержит как объективное (световая волна), так и субъективное (зрение) начало и определённые психофизические факторы. При этом цвет не существует вне цвета конкретных объектов в качестве самостоятельного денотата, представляя собой неотъемлемую часть природы. «Он растворён в природе, является её частью. Небо синее (или серое), лиса рыжая, земля чёрная (или, например, бурая), снег белый, заяц белый (или серый) и т.д. и т.п.» [Кульпина, 2001: 8].

«Ощущения и эмоции, вызываемые каким-либо цветом, аналогичны ощущениям, связанным с предметом или явлением, постоянно окрашенным в данный цвет» [Алимпиева, 1986: 164]. В XVIII –XIX вв. ЦО рассматривали как способ передачи определённых оттенков смысла, выражения авторского «я» или просто как средство украшения. XX век сильно изменил отношение к проблеме цвета.

Естественные Науки выделили цвет как самостоятельную категорию.

Цвет воспринимался:

1)как объективный феномен окружающего мира; как явление физическое, доступное описанию в точных цветовых параметрах (например, длина световой волны);

2)как явление, имеющее определённую физиологическую природу –различия в длине световой волны, достигающей глаза, преобразование этих волн в различные реакции зрительного восприятия. Интерес к изучению ЦО возник в 50 –60-е годы XX века и был продиктован следующими причинами.

1)ЦО имеют древнюю историю, основанную на чрезвычайной важности цвета для человеческого опыта. Поскольку ни один объект окружающего человека мира не существует вне цвета, цветовые характеристики –необходимый компонент визуализации пространства.

2)ЦО играют важную роль в формировании языковой картины мира, его концептуализации. Е.В. Рахилина утверждает, что цвет служит для того, чтобы отличить один предмет физического мира от другого ему подобного. Эта «различительная» функция особенно проявляется в тех случаях, когда объекты существуют в большом количестве экземпляров, т.е. цвет становится с языковой точки зрения релевантным и может быть описан языковыми средствами [Рахилина, 2000].

3)ЦО представляют собой иерархически упорядоченную лексическую группу, системные отношения которой могут

быть исследованы с позиции полевого подхода.

4) Цветовая семантика пронизывает всю лексическую систему языка, и потому выявление семантических, словообразовательных, морфологических, синтаксических особенностей ЦО представляет важную языковедческую задачу.

5) ЦО содержат в себе значительный эстетический потенциал: семантическое богатство и способность к образованию новых, экспрессивно-образных значений способствуют активному использованию ЦО в художественных целях.

Помимо обозначения собственно названий цвета ЦО обусловлены социально и узуально, т.е. связаны с социолингвистической традицией, утвердившейся среди членов определённого социума. Цветовые ощущения вызывают воспоминания и связанные с ними эмоции, образы, психические состояния, поэтому цветовая лексика способна обозначать уже не цвет как таковой, а эмоциональные, психические, социокультурные коннотации.

В ходе этих исследований выяснилось, что «носителям одних языков легче говорить и думать об определённых вещах потому, что сам язык облегчает им эту задачу» [Слобин, Грин 1976: 203-204].

Например, цвета, имеющие в языке однословные обозначения, воспринимаются испытуемыми как «чистые», и названия для них отыскиваются быстрее, чем для цветов переходных. Рассмотренные работы доказывают участие языка в процессах

восприятия, запоминания, воспроизведения. Одной из сторонниц подобной гипотезы также является Э. Рош [Rosch, 1975].

Она и её ученики выделяют семь «фокальных» (focus) цветов (белый, чёрный, красный, зелёный, жёлтый, синий, коричневый). По мнению автора, именно эти цвета соответствуют изначально свойственным человеку прототипам, детерминированным скорее биологически, чем социально. Нужно отметить, что каждый язык сегментирует окружающую действительность по-разному, поэтому у разных народов выделяется неодинаковое количество цветов.

Так, например, Е.Н. Панов отмечает, что у одного из африканских племен Либерии существуют два слова для описания многообразия цветовой палитры: одно для всех тёплых тонов (красный, оранжевый, жёлтый) и одно для холодных (голубой, фиолетовый, зелёный) [Панов, 1983].

Иногда различия обнаруживаются и между известными европейскими языками. В современном русском литературном языке отмечается чёткое разграничение синего и голубого цветов, не имеющее аналога ни в английском, ни в немецком, ни во французском языках. Описанное разнообразие привело исследователей к выводу о количественном различии в системах ЦО.

Считается, что наиболее «развитые» («богатые») языки располагают одиннадцатью так называемыми «основными» словами-цветонаименованиями. Данная

гипотеза впервые была подробно разработана американскими лингвистами Б. Берлином и П. Кеем, которые, исследовав данные 98 языков разных семей, пришли к следующим выводам:

1) В любом развитом языке существует ограниченное число базовых ЦО (одиннадцать), которые универсальны для всех языков.

2) Существует эволюционная последовательность возникновения ЦО, состоящая из семи этапов. Согласно этой теории, первыми появляются ЦО белого и чёрного цветов, затем ЦО красного цвета. На следующей стадии возникает ЦО зелёного или жёлтого цвета. Языки с ЦО для пяти цветов обладают словами, обозначающими чёрный, белый, красный, зелёный и жёлтый цвета. На последующем уровне включается название голубого цвета. На шестой ступени добавляется ЦО коричневого цвета. Заключительный этап включает названия для розового, оранжевого, серого и фиолетового цветов.

3) Язык в данный момент времени может находиться только на одном из эволюционных этапов при условии прохождения всех предыдущих [Berlin, Kay 1969].

Так, Б.Берлин и П.Кей учредили, что перцептивно выдающиеся цвета служат прототипами для развития цветообозначений [Berlin, Kay 1969] и сделали вывод о том, что в английском языке существует самостоятельная группа из 11 основных цветовых категорий, которые могут быть обозначены, как “основные цвета” (basic color terms): black, white, red, yellow,

green, blue, brown, pink, orange, purple, grey, возникающие в определенной последовательности в процессе эволюции языка. Они отображают универсальные характеристики цветовосприятия.

А.Вежбицкая полагает, что наиболее основные “цветовые концепты” (первые семь в схеме Б.Берлина и П.Кея) основаны на определенных универсальных прототипах, которые играют основополагающую роль для человеческого опыта. Эти прототипы следует рассматривать не как “примеры” или “модели”, то есть то, на что похож данный объект, а скорее, как точки референции – то, о чем данный объект заставляет нас думать [Wierzbicka, 1992].

Этими учёными также были выдвинуты гипотезы о существовании взаимосвязи между числом цветоименований и уровнем культурной эволюции. Общества, в языках которых присутствует мало основных ЦО, являются простыми, неразвитыми, и наоборот.

Данную закономерность М. Доумен связывает с уровнем индустриального развития: чем он выше, тем больше ЦО различается в языке: «В первобытных обществах обычно будет ограниченное количество доступных окрашенных объектов, и эти объекты скорее всего просто будут иметь свой натуральный цвет или цвета ограниченного количества доступных красителей... в высокоразвитых индустриализованных обществах мы можем создавать предметы любого желаемого нами цвета, следовательно, существует больше возможностей использовать ЦО

для обозначения определённых объектов» («In tribal societies, there will typically be a limited range of coloured objects available, and those objects will tend to simply have their natural colours, or the colours of the limited range of dyes which are available... in highly industrialized societies, we can make many objects in any colour we want, and so there is much more opportunity to use colour to identify particular objects») [Dowman, 2004: 194].

В более поздних работах [Kay, McDaniel 1978] ставятся под сомнение как сами принципы, так и возможность их выявления. П. Кей и Ч. Макдениэл предприняли попытку соотнести понятие основного цвета с нейрофизиологическими данными и выяснили, что физиологически можно объяснить восприятие всего шести цветов: белого, чёрного, синего, жёлтого, красного, зелёного.

П. Кей и Ч. Макдениэл предположили, что тот факт, что люди видят другие цвета, можно объяснить в терминах теории размытых множеств (fuzzy sets theory), согласно которой существует более одного фокусного цвета. Тогда интуитивно образуются следующие категории: тёмно-холодные цвета (чёрный или зелёный или синий); светло-тёплые (белый или красный или жёлтый); холодные (зелёный или синий); тёплые (красный или жёлтый). Остальные же цвета находятся на границах между тёплыми и холодными или тёмно-холодными и светло-тёплыми [Kay, McDaniel, 1973: 610–23 646].

Однако, по мнению А. Вежбицкой, авторы не учитывают того, что

семантические категории меняются от языка к языку и не помогают в полной мере определить семантику того или иного ЦО [Вежбицкая, 1996].

Впоследствии, развивая данную теорию и проведя более основательное исследование, Б. Берлин, П. Кей и J. Маффи пришли к выводам, что определённая стадия развития может быть достигнута пятью альтернативными путями (один из которых является ведущим), и что в каждом языке можно выделить первичные ЦО (primary) (чёрный, белый, красный, жёлтый, зелёный и синий), производные или скрещивающиеся (derived or intersective) (сочетание первичных цветов: например, розовый) и смешанные (heterogeneous or composite fuzzy sets) [Kay, Brent, Maffi 1997; Kay & Maffi 1999; Kay & Maffi 2008].

Российский языковед Н.В. Уфимцева, исследуя слова ЦО в русском и английском языках, доказывает, что в языковом сознании обеих культур функционируют одни и те же четыре цвета: чёрный, белый, красный и зелёный, но в разной последовательности [Уфимцева, 1996: 154].

Автор полагает, что для русского языкового сознания самыми распространёнными цветами являются красный, белый, зелёный, чёрный, расположенные именно в данном порядке. Причём красный и белый равноправны: когда словом-стимулом выступает белый, то красный встречается в качестве реакции. Для английского языкового сознания предпочтительнее следующий порядок

распределения цветов: чёрный, красный, белый, зелёный.

Н.В. Уфимцева выдвигает гипотезу о том, что выход чёрного цвета на первое место в английском языковом сознании является выражением особой черты европейского менталитета – желания всё систематизировать, и чёрный в рамках этого менталитета приобретает значение “чётко очерченный” [Уфимцева, 1996: 155].

По мнению А. Вежбицкой, Б. Берлин и П. Кей исследовали не значения названий цвета, а межъязыковое соответствие языковых фокусов [Вежбицкая, 1997: 240].

Однако в целом их исследования показали, что не все ЦО имеют одинаковый статус: цветоименования (с точки зрения денотативного значения) имеют центр и периферию.

Кроме того, ЦО зависят от биологических, культурных и языковых факторов, так как язык показывает то, как человек в своём сознании структурирует действительность.

Таким образом, данные многочисленных экспериментов свидетельствуют о том, что цветовое восприятие не одинаково во всех культурах и произвольно: «разные языковые группы, несомненно, отличаются по принципу фокусного выбора между двумя ближайшими терминами. Эти групповые различия накладывают некоторые ограничения на универсальные тенденции цветоименования» (“different language groups do vary in the average focal choices for nearest-neighbor terms. These group differences place some limits on universal tendencies in color naming”) [Webster & Kay 2007].

В зарубежной литературе существует несколько подходов к данной проблеме. Одни исследователи (сторонники нативизма (англ. Nativism)) считают, что языковые факты и экспериментальные данные доказывают существование транскультурных цветовых универсалий и, следовательно, их биологическую обоснованность.

Литературы:

1. Агостон Ж. Теория цвета. –М.: Мир, 1982. –184 с.
2. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексикосемантической группы: На материале прилагательных цветообозначений русского языка. –Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. –177с.
3. Алымова Е.Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис.... канд. фил.наук: –Санкт-Петербург: 2007. –18 с.
4. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. –Л.: ЛГУ, 1969.–338 с.
5. Апресян А.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). –М.: Просвещение, 1996. –203 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. 2-е изд., испр. и доп. –М.: Восточная литература РАН, 1995. –472 с.

7. Berlin B., Kay P. Basic Colour Terms. Their Universality and Evolution. Calif. Press, 1969.
8. Birren F. Color psychology and color therapy: A factual study of the influence of color on human life. –N.Y.:cop. 1961. –302 pp.
9. Chafe, W. Beyond Beadson Strings and Branches in a Tree. Conceptual Structure, Discourse and Language. – Stanford: Stanford University Press, 1996. – P. 49-66.
10. Chamberlin G.J. Color: Its measurement, computation and application. –L.:1980. –136 pp.
11. Chapanis A. Colour Names for Colour Space // Amer.Sci. 1965. Vol. 53. –No 14 –P. 327-346.
12. Croft W. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies // Cognitive Linguistics: Basic Readings. Ed. by Dirk Geerarts. Berlin,–New York: Mouton de Gruyter, 2006. –P. 269-302.
13. Dijk, T.A. van Discourse, Cognition and Society. Discourse and Society, 1996. – Vol. 7. – No 1. – P. 5-6.
14. Dowman M. Colour Terms, Syntax and Bayes: Modelling Acquisition and Evolution. PhD thesis. –School of Information Technologies, University of Sydney, 2004. –354 p.
15. Evans V., Green M. An introduction to cognitive linguistics. –Edinburgh, UK: Edinburgh University Press, 2006. –864 p.